

Долгов мной наделано в жизни немало.
Должна... Всем должна... Как же я задолжала —
И новому дому, и старому дому,
И первому сыну, и сыну второму,
И тем, остальным, нерожденным когда-то,
Должна всем рассветам, а также закатам,
И каждому дню, а тем более — ночи,
И очень любимым моим и не очень,
И людям случайным, и просто прохожим —
О, им я должна, разумеется, тоже!
Кому же еще? Да листочку бумаги:
Двух слов дописать не хватило отваги,
Должна и глазам, и губам, и коленям,
Тропинкам, дорожкам, дорогам, ступеням,
Должна поездам, самолетам, вокзалам,
Всем родинам — нынешней, прежней и малой.
Не отдано мной ни единого долга,
В долгах, как в шелках... Сколько чудного шелка!
Вот взять бы его дашить себе платьев!
Ах, до смерти было бы что надевать мне...

Какая связь меж сном вчерашним
И днем, стоящим у ворот?
Меж словом, брошенным и зряшным,
И тем, которое спасет?

Остывшим крохотным огарком
И солнцем, хлынувшим в окно?
Меж сердцем, бьющимся и жарким,
И тем, не бьющимся давно?

Меж тем, что смертным знать не надо,
И тайной, ведомой двоим?
Твоим чужим, потухшим взглядом
И тем, светящимся, твоим?

Меж «да» и «нет»? Меж всеми нами
И тем, что будет после нас,
Меж тем, что видимо глазами,
И скрытым тщательно от глаз,

Меж глиной, пальцами согретой,
Строкой, дыханьем, немотой —
И Тем, Кто знает все ответы
На все не спрошенное мной?

Покуда под ногами твердь,
Покуда не разверзлись хляби,
Давай, мой друг, обманем смерть,
Давай попробуем хотя бы.

Нам ведом взмах ее крыла,
Ее повадки нам знакомы.
О, смерть, когда б ты ни пришла,
Нас никогда не будет дома —

Явись хоть днем, хоть поутру,
Хоть в душный час перед рассветом...
Давай затеем с ней игру,
Давай отважимся на это!

Чтоб пыль столбом, чтоб кавардак,
Чтоб карты спутались в колоде!
Нарушим — этак или так —
Круговорот беды в природе!

Пока свече в окне гореть,
Звезде — мерцать на дне колодца,
Давай, мой друг, обманем смерть,
Пока обман нам дается,

Пока еще за кругом круг
Состав вершит без остановки,
Пока еще нам сходят с рук
Все эти детские уловки.

Джону Китсу

Окно в серебряных расплывах,
зимы уют и западня.
Хотелось просто быть счастливым —
хотя бы три коротких дня.

Камин, рояль и звуки рондо,
и впереди еще лет сто...
Ах, мистер Китс, зачем Вам Лондон?
В такую стужу, без пальто.

Вы там замерзнете навеки:
чужие лица, вой газет...
В них снова пишут: «Он — аптекарь?»
Не верьте, сударь! Вы — поэт!

Еще достанет расставаний,
холодных каменных столиц.
А здесь — тепло, здесь — дом, здесь — Фанни.
Не уезжайте, мистер Китс!

Представьте, право же, как славно:
за рондо следует гавот,
свеча, поскрипывает ставня —
и день, и два, и пять, и год...

Но чем унять озноб дорожный?
Шептал: «Я быстро... Ничего...»
И знал, что быть счастливым можно —
Три дня.
Не более того.

Спотыкается дорога о холмы Иерусалима...

Леонид Рудин

Спотыкается дорога о холмы Иерусалима,
И бредут по той дороге в Град Давидов пилигримы,
Лицедеи, чудотворцы — много разного народца:
Кто увидит вечный город, обязательно спасется!

Эти арки, эти крыши, эти плиты, эти стены...
В этом городе предметы не отбрасывают тени.
Что ни камень — то святыня, что ни день — то воскресенье,
Каждый встреченный провидец вам укажет путь к спасенью.

В этом городе, как прежде, жарко, шумно, многолюдно.
Здесь легко поверить в чудо, здесь с ума сойти нетрудно:
Разрыдаться без причины, говорить высоким слогом,
Объявить себя мессией, как Иаков, спорить с Богом.

Я ведь тоже в этот город, будто в небо, поднимаюсь,
На горе стою Масличной, потрясенная, немая.
Мне в глаза глядит пространство, мне в затылок время дышит,
И летит моя дорога выше, выше, выше, выше...

А.О.

Кто-то небо усыпал крошкой,
Мелкой-мелкой, цветной, холодной...
Я лечу над лесной сторожкой,
Я невидима и свободна.

Подо мной — серебрится зелень,
Надо мной — голубеют воды.
Станет скучно — гляжу на землю,
Станет трудно — держусь за воздух.

Я лечу — над мостом и пашней,
Я над словом лечу и делом,
Над тобой, над собой вчерашней
И над тем, что вчера болело,

Я лечу, потому что вереск
Пожелтел, значит, скоро стужа,
Потому что все дальше берег,
А река все темней и глубже,

Я лечу, потому что полночь,
Потому что душе угодно,
Потому что однажды вспомню:
— *Я невидима и свободна!*

